

Е.Р. Дашкова

Записки княгини Е. Р. Дашковой
писанные ею самой

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 304
ББК 60.5
Е11

Е11 **Е.Р. Дашкова**
Записки княгини Е. Р. Дашковой: писанные ею самой / Е.Р. Дашкова – М.: Книга по Требованию, 2013. – 526 с.

ISBN 978-5-4241-4634-3

Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой. Перевод с английского языка.

ISBN 978-5-4241-4634-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

театръ и поправляетъ своихъ домашнихъ актеровъ, когда они обиваются съ роли; она докторъ, аптекаръ, фельдшеръ, кузнецъ, плотникъ, судья, законникъ; она всякій день дѣлаетъ самыя противоположныя вещи на свѣтѣ, ведетъ перениску съ братомъ, занимающимъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ имперіи, съ учеными, съ литераторами, съ жидами, съ своимъ сыномъ, со всѣми родственниками. Ея разговоръ, увлекательный по своей простотѣ, доходитъ иногда до дѣтской наивности. Она нисколько не думая, говоритъ разомъ по французки, по итальянски, по русски, по авглійски, путая всѣ языки вмѣстѣ.

“Она родилась быть министромъ или полководцемъ, ея мѣсто во главѣ государства”.

Все это вѣрно, но Миссъ Уильмотъ забываетъ, что сверхъ того Дашкова родилась *женщиной и женщиной* осталась всю жизнь. Сторона сердца, нѣжности, преданности, была въ ней необыкновенно развита. Для насъ это особенно важно. Дашковою русская *женская личность*, разбуженная Петровскимъ разгромомъ, выходитъ изъ своего затворничества, заявляетъ свою способность и требуетъ участія въ дѣлѣ государственномъ, въ наукѣ, въ преобразованіи Россіи—и смѣло становится рядомъ съ Екатериной.

Въ Дашковой чувствуется та самая сила, не совсѣмъ устроенная, которая рвалась къ просторной жизни изъ подъ плесни московскаго застоя, что то сильное, многостороннее, дѣятельное петровское, ломоносовское, но смягченное аристократическимъ воспитаніемъ и женственностью.

Екатерина II, дѣлая ее президентомъ Академіи, признала политическое равенство обонхъ половъ, совершенно послѣдовательное въ странѣ, принимавшей гражданскую правомѣрность женщинъ, остающихся на Западѣ прикрѣпленными къ мужьямъ или въ вѣчномъ несовершенствѣ.

Въ Русской исторіи бѣдной личностями, записки женщины, участвовавшей на первомъ планѣ въ переворотѣ 1762 года и видѣвшей возлѣ всѣхъ событія отъ смерти Елизаветы до тильзитскаго мира, чрезвычайно важны, тѣмъ больше, что мы очень мало знаемъ наше XVIII столѣтіе. Мы любимъ въ исторіи восходить гораздо дальше. Мы изъ за Варяговъ, Новгородцевъ, Кіевлянъ не видимъ вчерашняго дня; зубчатая Кремлевскія стѣны заслоняютъ намъ плоскія линіи Петропавловской крѣпости. Разбирая отчетливо царскія грамоты, мы мало знаемъ, что писалось на ломаномъ русскомъ языкѣ въ Петербургскихъ канцеляріяхъ, въ то время какъ подъ окнами Зимняго Дворца ревели дикая крамола и мятежь, угрожая Сибирью и смертью его жителямъ и тронъ не получилъ еще ту силу и прочность, которую онъ приобрѣлъ не больше какъ *семдесятъ пять* лѣтъ тому назадъ. Протверживать исторію этихъ временъ, очень полезно и для правительства, чтобъ оно не забывалось, и для насъ, чтобъ мы не отчаявались.

Я желалъ бы хоть въ кратцѣ объяснить мою мысль.

Вся Европа, и что гораздо хуже всѣ Русскіе, принимаютъ императорскую власть въ ея современной формѣ, за такую несокрушимую всегдашность Русскаго быта, которая смѣется по праву надъ всѣми дерзновенными попытками и смѣло выдерживаетъ всякій натискъ, мощно и прочно удѣвившись далеко развѣтвившимися корнями въ землю.

Императорская власть совсѣмъ напротивъ, устоялась и окрѣпла весьма недавно. Она и теперь носитъ на себѣ слѣды своего революціоннаго начала; въ ней и до сихъ поръ перепутаны безъ всякаго порядка, какъ въ промежуточныхъ слояхъ земнаго шара, гранитъ старины, наносные пески, осколки случайно захваченные сверху, всплывшіе снизу, мѣстами крѣпко слежавшіяся, но несоединенные химически.

Насъ вводятъ въ заблужденіе бармы Мономаха, тронъ царя Іоанна Васильевича, Успенскій Соборъ—но развѣ Наполеонъ не рядился въ мантию Карла Великаго и не надѣвалъ на свою голову желѣзной короны въ Миланѣ?—Все это поддѣлки въ родѣ Чатертонна; почтенныя черты старости и минувшаго берутся въ займы для того, чтобы окружить новое—уваженіемъ и увѣрить въ его прочности, такъ сказать въ его вѣковѣчности.

Русское императорство развилось изъ царской власти отвѣтомъ на сильную потребность *иной жизни*. Это военная и гражданская диктатура гораздо больше сходная съ римскимъ цезаризмомъ, нежели съ феодальной монархіей. Диктатура можетъ быть очень сильна, поглощать въ себя всѣ власти; но впрочемъ она быть не можетъ. Она существуетъ до тѣхъ поръ, пока обстоятельства ее вызвавшія останутся тѣже и пока она сама вѣрна своему призванію.

Разумѣется встрѣчая при выходѣ съ парохода вычищенную и выбѣленную лейбъ-гвардію, безмолвную бюрократію, несущихся курьеровъ, неподвижныхъ часовыхъ, казаковъ съ нагайками, полицейскихъ съ кулаками, полгорода въ мундирахъ, полгорода дѣлающій фронтъ и цѣлый городъ торопливо снимающій шляпу, и подумавъ, что все это лишено всякой самобытности и служить пальцами, хвостомъ, ногтями и когтями одного человѣка, совмѣщающаго въ себѣ всѣ виды власти: помѣщика, паны, палача, родной матери и сержанта—можетъ закружиться въ головѣ, сдѣлаться страшно, можетъ придти желаніе самому снять шляпу и поклониться, пока голова цѣла и вдвое того можетъ захотѣться сѣсть опять на пароходъ и плыть куда нибудь. Все это такъ, и все это чувствовалъ (кромѣ послѣдняго) достопочтенный вестфальскій баронъ Гакстаузенъ.

Этот сурово-мрачный, подавляющій видъ грубой силы, приняло императорство особенно въ тридцатилѣтіе николаевскаго царствованія; стращать было у него въ принципѣ. Но тутъ невольно является вопросъ: Отъ чего же Николай не могъ въ эти тридцать лѣтъ забыть “дурные четверть часа,” проведенные имъ *при защитѣ* Зимняго Дворца 14 Декабря 1825. Отъ чего, умирая, вспоминая онъ этотъ день и за него благодарилъ гвардію?

Отъ того, что онъ понялъ сначала своего воцаренія, что его тронъ только силенъ *силой*. Онъ ею одной и держался, но чувствовалъ, что въ штыкахъ, что въ матеріальномъ гнетѣ ничего нѣтъ прочнаго, и искалъ иныхъ опоръ. Опоры, на которыя онъ обратилъ вниманіе были вѣрны, рядомъ съ Самодержавіемъ, онъ поставилъ Православіе и Народность. Но это былъ протестъ противъ петровскаго направленія, котораго весь смыслъ состоялъ въ секуляризаціи царской власти и общеевропейскомъ образованіи. Николай становился въ прямое противурѣчіе съ живымъ началомъ петровскаго императорства, а потому ничего нѣтъ удивительнаго, что прямой результатъ его царствованія былъ глухой разрывъ между нимъ и Россіей. Еслибъ онъ прожилъ еще десять лѣтъ, его тронъ развалился бы самъ собою; все перестало идти, все повяло, стало сохнуть, отъ всего отлѣталъ духъ, безпорядки администраціи достигли чудовищныхъ размѣровъ. Его царствованіе была нелѣпость. Онъ понималъ, что идя по направленію Александра, должно было неминуемо измѣнить болѣе человѣческими формами—самодержавную власть, но этого онъ не хотѣлъ, а воображалъ, что онъ настолько независимъ отъ петровскихъ началъ, что онъ можетъ быть Петромъ и безъ нихъ.

Ему бы удалось можетъ быть, еслибъ въ самомъ дѣлѣ, какъ :

думаютъ московскіе старовѣры, переворотъ Петра былъ слѣдствіемъ личной воли, геніальнаго каприза; но онъ вовсе не былъ случайностью, а служилъ отвѣтомъ на инстинктивную потребность Руси развернуть свои силы. Какъ иначе можно объяснить успѣхъ его?

Государственное развитіе Россіи шло медленно и было очень позднее, Русь жила на распашку и кой какъ собралась подготавливая Татарамъ въ иконописное, т. е. суздальски-византийское Московское царство, формы его были неуклюжи и грубы, все шло неловко, апатично. Царская власть негодна была даже на защиту государства и въ 1612 году Россія была спасена безъ царя. А между тѣмъ *что то* говорило, что то юбо-*рящее* до сихъ поръ въ сердцахъ каждаго изъ насъ, что подъ обвѣтшалыми и тяжелыми платьями, бедна сила и мощи. Это *что то* и есть молодость, вѣра въ себя, сознание силы.

Крутой разрывъ со старинной оскорблялъ — но нравился, народъ любилъ Петра I, онъ его перевесъ въ легенды и сказки. Точно будто русскій человекъ догадался, что чего бы ни стоило надо было переломить лѣнь и крѣпкимъ государственнымъ строемъ стаянуть нашу распущенность. Безчеловѣчная дрессировка Петра I и такихъ преемниковъ его какъ Биронъ, разумѣется поселяла ужасъ и отвращеніе, но все это переносили за открывавшуюся ширь новой жизни. Такъ какъ во Франціи переносили терроръ.

Петровскій періодъ сразу сталъ народнѣе періода царей московскихъ. Онъ глубоко возшелъ въ нашу исторію, въ наши нравы, въ нашу плоть и кровь; въ немъ есть что то необычайно родное намъ, юное; отвратительная примѣсь казарменной дерзости и австрійскаго канцелярства, не составляютъ его главной характеристики. Съ этимъ періодомъ связаны дорогія намъ воспоминанія нашего могучаго роста, нашей славы и

вашихъ бѣдствій ; онъ сдержалъ свое слово и создалъ сильное государство. Народъ любить успѣхъ и силу.

Когда Александръ диктовалъ въ Парижѣ законы всей Европѣ одна сторона петровской идеи была окончена. Что же потомъ ? Вернуться опять за 1700 годъ и сочетать военный деспотизмъ съ отчуждающеюся отъ всего человѣческаго царской властію. Этого хотѣлъ Николай, и больше никто.

Если народъ и ненавидитъ чуждое ему нѣмецкое правительство, вполне заслужившее это, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ любилъ московское царство, онъ его забылъ черезъ одно поколеніе и совершенно не знаетъ теперь.

Что мѣшало послѣ Петра I возвратиться къ едва протекшимъ временамъ. Все петербургское устройство висѣло на ниткѣ. Пьяныя и развратныя женщины, тупоумные принцы, едва умѣвшіе говорить по русски, Нѣмки и дѣти садились на престолъ, сходили съ престола ; дворцемъ шла самая близкая дорога въ Сибирь и на каторжную работу ; горсть интригантовъ и кондотьеровъ завѣдывала государствомъ. Въ продолженіи всей этой сумятицы, мы не видимъ особеннаго желанія воротиться къ допетровскимъ временамъ. Напротивъ, то что постоянно остается во всѣхъ этихъ судорожныхъ перемѣнахъ, то что развивается вопреки ихъ и даетъ имъ рѣзкое единство, это именно *петровская идея*. Одна партія сбрасываетъ другую, пользуясь тѣмъ, что новый порядокъ не обжился, но кто бы ни одолевалъ, до Петровскихъ основаній никто не касался, а всѣ принимали ихъ, Меншиковъ и Биронъ, Минихъ и самые Долгорукие — хотѣвшіе ограничить императорскую власть, не въ самомъ же дѣлѣ прежней боярской думой. (*)

* О которой Кошкинъ такъ живописно отзывался, говоря, что Бояре въ ней молчатъ, устава глаза свои въ браду для того, чтобы показать глубокомысліе.

— Елизавета и Екатерина II лстятъ православію, лстятъ народности для того, чтобъ овладѣть трономъ, но осѣвшисъ на немъ, онѣ продолжаютъ его путь. Екатерина II больше нежели кто нибудь.

Противудѣйствіе новому порядку дѣлъ послѣ его жестокаго водворенія, мы видимъ въ однихъ *неправославныхъ* раскольникахъ и въ страдательномъ неучастіи крестьянъ. Ворчливое упорство нѣсколькихъ стариковъ ничего не значить. Подавленная покорность всѣхъ “старовѣровъ” была признаніемъ своего безсилія. Еслибъ было что нибудь живое въ ихъ возрѣніи, непременно были бы попытки, положимъ неудачныя, невозможныя, но были бы. Всякія Анны Леопольдовны, Анны Іоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины Алексѣевны, находили людей отважныхъ и преданныхъ, подвергавшихся изъ за нихъ плахѣ и каторгѣ; погибающее казачество и смятое подъ ноги дворянства крѣпостное состояніе имѣло своего Пугачева, а Пугачевъ свои двѣсти тысячъ войска; Киргиз-Кайсаки откочевали къ Китаю; крымскіе Татары соединились съ Турками; Малороссія громко роптала, все оскорбленное или придавленное императорствомъ заявляло свой протестъ — старо-русская партія въ Россіи — никогда. У ней не было ни языка; ни преданныхъ людей, ни Полуботки, ни Мазепы!

И только полтора ста лѣтъ послѣ Петра, она находитъ себѣ представителя и вождя и этотъ представитель и вождь — Николай. Еслибъ ему церковной нетерпимостью и народной исключительностію удалось пересоздать императорскую власть и замѣнить ея диктаторіальный характеръ чисто монархическимъ или царскимъ — это было бы несчастіе, но оно было невозможно. Едва Николай умеръ, Россія рвется снова на петровскую дорогу — и вовсе не въ завоевательномъ, не въ

солдатскомъ направленіи его, а въ развитіи внутреннихъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ.

Петръ I былъ одинъ изъ раннихъ дѣятелей великаго XVIII столѣтія и дѣйствовалъ въ его духѣ, онъ былъ проникнутъ имъ какъ Фридрихъ II, какъ Іосифъ II. Его революціонный реализмъ беретъ верхъ надъ его царскимъ достоинствомъ — онъ деспотъ а не монархъ.

Мы всё знаемъ, какъ Петръ ломалъ старое и какъ устроивалъ новое. Тяжелому, неподвижному византійскому чину, онъ противопоставилъ трактирные нравы, скучная грановитая палата превратилась при немъ въ разгульный дворецъ; вмѣсто законнаго престолонаслѣдія, онъ разъ предоставилъ императору право назначать кого хочетъ, другой разъ писалъ сенату, чтобъ онъ самъ избралъ достойнѣйшаго, если онъ погибнетъ въ турецкомъ плѣну и за тѣмъ отнятую у роднаго сына корону отдалъ горничной, которая переходя изъ рукъ въ руки дошла до него. Онъ упразднилъ мѣсто святѣйшаго патріарха, запретилъ мощамъ являться, и утеръ до суха всѣхъ скорбящія слезы чудотворныхъ иконъ. Въ странѣ упрямаго мѣстничества онъ посадилъ выше всѣхъ плебея Менщикова, водился съ иностранцами, даже съ арапами, напивался пьянъ съ матросами и шкиперами, буйнилъ на улицахъ, словомъ, оскорблялъ всѣ стороны прежней, чопорной русской жизни и важный царскій формализмъ.

Онъ далъ тонъ, наслѣдники продолжали его, преувеличивая и искажая; полвѣка послѣ него длится одна непрерывная оргія вина, крови разврата *l'ultimo atto*, какъ выразился одинъ итальянскій писатель—*d'una tragedia, rappresentata nel un lupanar.*

Какое тутъ православіе, какой тутъ монархически-рыцарской принципъ?

Если во второй половинѣ царствованія Екатерины, трагической характеръ блѣднѣетъ, *то локаль* остается тотъ же; исторію Екатерины II нельзя читать при дамахъ. Монархически растлевный Версаль, съ удивленіемъ смотрѣлъ на безпутство русскаго двора, такъ какъ на философскій либерализмъ Екатерины II, потому что Версаль не понималъ, что основанія императорской власти въ Россіи совсѣмъ не тѣ, на которыхъ зиждится французская королевская власть.

Когда Александръ сказалъ въ Тильзитѣ Наполеону, что онъ вовсе не согласенъ съ тѣмъ значеніемъ, которое онъ приписываетъ наследственности царской власти, Наполеонъ думалъ что онъ его обманываетъ. Когда онъ говорилъ мадамъ Стааль, что онъ только “счастливая случайность,” она это приняла за шутку. А это была глубочайшая правда его.

Сердась на трусость нѣмецкихъ государей, императоръ Александръ говорилъ въ своей прокламаціи 22 Февраля 1813 ихъ подданнымъ: “Страхъ удерживаетъ ваши правительства, не останавливайтесь на этомъ, если ваши государи подъ вліяніемъ малодушія и подобострастія ничего не сдѣлаютъ, тогда долженъ раздаваться голосъ подданныхъ и заставить государей, которые влекутъ свои народы въ рабство и несчастье—вести ихъ къ свободѣ и чести.”

Дѣло въ томъ, что Александръ еще понималъ петровскую традицію своей власти, онъ былъ слишкомъ близокъ къ первой эпохѣ императорства, чтобъ представлять изъ себя гвардейскаго папу всѣхъ реакцій. Онъ даже съ явнымъ сомнѣніемъ и нерѣшительностью прочелъ доносы Шервуда и Майборода.

Безъ сомнѣній и мыслей сѣлъ на его мѣсто Николай и сдѣлалъ изъ своей власти машину, которая должна была вести Россію вспять. Но императорство не сильно, какъ скоро оно

дѣляется консервативнымъ. Россія отрѣклась отъ всего чело-
вѣческаго, отъ покоя и воли, она шла въ нѣмецкую кабалу
только для того, чтобъ выйти изъ душнаго и тѣснаго состоя-
нiя, которое ей было не подъ лѣта. Вести ее назадъ тѣми же
средствами невозможно.

Только идучи впередъ къ цѣлямъ дѣйствительнымъ, только
способствуя больше и больше развитiю народныхъ силъ при
общечеловѣческомъ образованiи и можетъ держатся импера-
торство. Масло, которымъ будутъ смазывать парходы, на
новыхъ желѣзныхъ дорогахъ, прочиѣ вѣнчаетъ на царство,
нежели елей Успѣнскаго Собора.

Вѣрно ли понята нами императорская власть, ярко и живо
показываютъ превосходныя Записки Дашковой.

Цѣль наша будетъ вполне достигнута, если бѣглый отчетъ
нашъ объ ихъ содержанiи, заставитъ читателей взять въ руки
самую книгу.
